

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ГЕНЕЗИС «НОРМАТИВНЫХ ПОРЯДКОВ» ОБЩЕСТВА И ОППОЗИЦИЯ «СУБЪЕКТ — СТРУКТУРА»: ОТ ЧЕЛОВЕКА К ИНСТИТУТАМ И ОБРАТНО*

Д.Г. Подвойский**

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Социологическая теория на любом этапе своего развития нуждается в перманентной рефлексии и осмыслении собственных концептуальных оснований, включая и понятийную аксиоматику, в ряд которой может быть помещена как антиномия «субъекта (действия, агентности) — структуры», так и понятия порядка, норм и правил, образцов, ценностей, институтов, социального контроля, власти и принуждения, конформизма, девиации и т.д. Концептуальные описания оппозиции «субъект — структура», проблемы социального порядка и механизмов нормативно-институционального «морфогенеза» традиционно, вплоть до сегодняшнего дня, выступают смыслообразующими и «парадигматически» значимыми для социологической теории, а их критический анализ и сравнение способствуют уточнению общеметодологических оснований социологического знания в целом и выявлению фундаментальных линий размежевания между конкретными школами и направлениями социологической мысли. В статье предпринята попытка предварительной реконструкции и ревизии основного поля аргументов, используемых в социологической теории для объяснения происхождения нормативных порядков общества из внутренней логики процессов социального взаимодействия, разворачивающихся на разных уровнях, в т.ч. на уровне повседневной жизни. В соответствии с авторской целевой установкой статья призвана способствовать формированию более отчетливого и рельефного видения круга проблем, связанных с агентно-структурным дуализмом общественных отношений и нормативным, «правилосообразным» характером последних.

Ключевые слова: социальные нормы; социальный контроль; «нормативный» порядок общества; «нормативный морфогенез»; привычки; обычаи; социальные институты; следование правилу; оппозиция «субъекта — структуры»

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту 16-03-00697 «Нормативное измерение социального действия и моральные основания социального порядка: от классических интерпретаций к современной социологии морали», выполняемому в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социологии Российской академии наук» (2016—2017 гг.).

** © Д.Г. Подвойский, 2016.

Сам виноват — и слезы лью,
И охаю —
Попал в чужую колею
Глубокую.
*Я цели намечал свои
На выбор сам,
А вот теперь из колеи
Не выбраться.*
Крутые скользкие края
Имеет эта колея.
Я кляню проложивших ее, —
Скоро лопнет терпенье мое,
И склоняю как школьник плохой,
Колею, в колее, колеей...

В. Высоцкий

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема нормативной регуляции социального поведения и деятельности является одной из ключевых для социологической теории. Она напрямую связана с фундаментальной темой «социального порядка», которую социологическая наука пыталась концептуализировать тем или иным образом на протяжении всей истории своего развития. Ответ на вопрос «как возможно общество?», отнюдь не считавшийся в социологии риторическим, обычно предполагал принятие определенного набора теоретических положений, адресующих к понятию «нормы» или ее эквивалентов.

Социологическая теория как форма знания «второго порядка», стремящаяся описывать знания «первого порядка», разделяемые акторами в их повседневной жизни, пытается среди прочего эксплицировать набор подразумеваемых, остающихся в большинстве случаев на латентном уровне предпосылок, принятие которых индивидами цементирует организованный социальный мир, делая его пригодным для «обитания» и «практического преобразования».

Иными словами, речь идет о стремлении обнаружить набор условий (возможно, «априорных»), благодаря которым обеспечивается субъективная осмысленность социального опыта. Последняя предполагает достижение определенного, минимально приемлемого уровня понимания поступков и мотивов партнеров по интеракции и ведет на поведенческом уровне к достижению относительной согласованности потоков социального взаимодействия.

Говоря о нормированности социальных действий, социолог предполагает существование и практическое функционирование комплекса «правил» (явных и неявных, более или менее осознаваемых акторами, формальных и неформальных, поведенческих, ментальных, языковых, моральных, правовых, обычая, этикета... etc...), которые конституируют социальный порядок через «игру по правилам», их выбор, критическое или некритическое принятие, интернализацию, отвержение или нарушение, предпочтение альтернативных наборов правил и т.д. Откуда бе-

ругся указанные правила и каково их значение как средства организации социальной жизни? — на эти вопросы теоретическая социология всегда стремилась дать определенный ответ.

В различных теоретических традициях социологии используется различный терминологический арсенал для описания нормативных порядков общественной жизни. В функционалистской теории действия принято взаимоувязывать понятие нормы с разделяемыми индивидами ценностями и культурными образцами-паттернами (на смысло-содержательном, аксиологическом уровне), а на уровне поведенческом — с ролевыми ожиданиями, санкциями и социальным контролем.

Прямое отношение к теме порядка имеет и озвученный Т. Парсонсом принцип «двойной контингентности» (точнее — неконтингентности), согласно которому количество альтернатив развития событий в ситуации взаимодействия двух индивидов (А и В, Ego и Alter) сводится к минимуму, благодаря чему поведенческие реакции другого/других оказываются предсказуемыми, а взаимодействие в целом приобретает согласованный характер. Направляемые на партнеров по интеракции ролевые ожидания, реализуемые в большинстве случаев в их конформных актах, сшивают ткань социальной материи на микроуровне, делая возможным выстраивание и воспроизводство системы социальных институтов как относительно устойчивых и координированных «ансамблей социальных практик».

В феноменологической социологии принято говорить об идеализациях, структурирующих и организующих повседневный социальный опыт, в т.ч. о важнейших идеализациях «взаимности перспектив», скрепляющих социальный универсум и удерживающих его от распада. Вписанность мышления и поведения в структуры нормативных порядков общества обеспечивается благодаря практическому применению индивидами типизаций обыденного сознания.

Типизации выступают своего рода средством архивирования опыта человека, «разделяемого с другими», инструментом «экономии мышления», способом субъективной ориентации в окружающей действительности и адаптации к ней. Если компоненты опыта опознаны актором в их типичности, то тем самым они уже неизбежно «нормированы». Такой подход развиваемый, в частности А. Шютцем, восходит к более ранним версиям социологической и философской теории действия, представленной в американском прагматизме и символическом интеракционизме.

Во второй половине XX в. теоретические описания бинарной оппозиции субъекта (действия, агентности) — структуры (институтов) так или иначе фокусировались на проблемах генезиса и механизмов социального нормирования, проявляющегося и реифицируемого в объективированных формах общественных отношений. Принципиально сопоставимыми здесь оказываются концепции «социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана, жизненного мира и системы Ю. Хабермаса, генетический структурализм (теория габитуса/поля) П. Бурдьё, теория структуриации Э. Гидденса, концепции морфогенеза М. Арчер, Р. Бхаскара и т.д. Все они пытаются представить по возможности убедительные и логически непротиворечивые трактовки возникновения организованных форм общественной жизни, кристаллизующихся в институтах и подлежащих норматив-

ной регуляции, из «квази-стихийно» складывающихся конфигураций социального взаимодействия. «Волонтаризм» и «креативность» действия всегда развертываются в структурно определенных, «объективно наличных» и в этом смысле «предзаданных» и навязанных индивидам контекстах, условиях и обстоятельствах, воспроизводимых или преобразуемых человеческой активностью. Нормы, с одной стороны, ограничивают, а с другой, — дают возможности и обеспечивают координацию взаимодействий. Поэтому совмещение в рамках одной объяснительной модели принципов реализма (холизма, эссенциализма) и номинализма (методологического индивидуализма, конструктивизма) в истории социологической науки вплоть до настоящего времени оставалось нетривиальной теоретической задачей.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ: БАЗОВЫЕ ДЕФИНИЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ

Озвученная в свое время Т. Парсонсом «гоббсова» проблема порядка прямо соотносится с хрестоматийным для социологии понятием социальной нормы. Здесь небесмысленным представляется обращение к азам социологической науки. Что «усредненный» социолог, — более или менее независимо от собственной теоретико-методологической ориентации, — имеет в виду, когда говорит о социальных нормах?

Следует заметить наперед, что концепт социальной нормы является частью целого пучка взаимосвязанных понятий, которыми оперирует «школьная» социология. Говорящий о нормах как структурной составляющей социального порядка должен говорить также об институтах, контроле, ролях, ожиданиях, санкциях, ценностях, образцах, легитимности, конформности, девиациях и т.д.

Под социальными нормами обычно понимается широкая совокупность формальных и неформальных «правил», средств регуляции и регламентации социального поведения людей.

Существование системы социальных норм обычно рассматривается как необходимая предпосылка упорядоченной социальной жизни, ее организованных форм, обеспечивающая определенный уровень единообразия и предсказуемости человеческих поступков, совершаемых в типовых социальных ситуациях. «Нормированные» социальные практики приобретают неизбежно более или менее стандартизированный и рутинный характер, что является условием потенциальной прогнозируемости действий [«других»] и специфического «доверия» как основы устойчивых и воспроизводимых во времени социальных отношений. Доверие это подкрепляется обоюдной установкой вступающих во взаимодействие встретить «ожидаемую» (социально приемлемую и одобряемую) реакцию со стороны «другого» на тот или иной типовой поступок. Социальные нормы задают шаблоны и алгоритмы «рекомендуемых» поведенческих актов, модальные определения того, «что и как надлежит делать», соотносясь в субъективном плане с распространенными в обществе системами ценностей, ценностных образцов и ценностных ориентаций, которые в свою очередь наделяют нормы легитимностью, — вследствие чего большинство людей в рамках конкретной культуры верит в их рацио-

нальную обоснованность, моральную оправданность, священный характер и т.д. Нормы выполняют функцию социальной интеграции, поддерживая социальный порядок, социальную солидарность, стабильность институциональной структуры общества. Известно, что в ряде классических социологических концепций, например, у Дюркгейма, Парсонса, социальный порядок рассматривается прежде всего как «нормативный» порядок, как продукт ценностно-нормативного консенсуса.

Соблюдение норм обеспечивается благодаря действию механизмов социального контроля, через систему санкций, способствующих распространению конформного и пресечению отклоняющегося поведения.

Социологическая теория исходит из постулата, согласно которому всякая социальная система (будь то общество в целом, институт или группа) для воспроизводства собственных структур нуждается в известном уровне согласия между образующими ее единицами относительно базовых ценностей и правил социального взаимодействия. Социальные системы любого уровня стремятся к поддержанию нормативного порядка, предполагающего в качестве неотъемлемого условия наличие регламентации и регуляции (как внешней, так и внутренней) человеческого поведения. В этом смысле контроль представляет собой функционально необходимую характеристику устойчивых, организованных форм общественной жизни. Механизм контроля как средства нормативной регуляции является универсальным: нарушение социальной нормы (несоответствие поведенческих практик субъекта действия ролевым ожиданиям его окружения) провоцирует санкции, направленные на восстановление нормативного порядка и предотвращение рецидивов девиации. «Поощрение» и «наказание» как типовые реакции общества на те или иные человеческие действия выступают в качестве значимого средства процесса «социального научения».

Общество «навязывает» актерам доминирующие ценностные ориентации, образцы и нормы, которые усваиваются ими в процессе социализации (интернализации) и воспринимаются в большинстве случаев как «само собой разумеющиеся». Но общественное принуждение становится явным (и ощутимым) лишь в тех случаях, когда индивиды совершают поступки, отличные от принятых и допустимых в определенной социальной ситуации. Многие нормы воспроизводятся в поведении людей, будучи глубоко психологически усвоенными, что проявляется в формировании особого рода внутренних побуждений (мотиваций) личности, в выработке склонности поступать в определенных ситуациях определенным образом. В результате успешного протекания этих процессов обеспечивается социально-культурная преемственность и трансляция социальных норм во времени.

На уровне реальных взаимодействий нормы конкретизируются в комплексах ролевых ожиданий, зависящих от специфических свойств социальных институтов, социального статуса участников, распределения власти и ресурсов, ролевых ситуационных контекстов и т.д. При этом лишь незначительная часть социальных норм фиксируется в тех или иных письменных источниках, в т.ч. юридических документах или иных «кодексах» (религиозных, этических и др.). Большинство норм сохраняют значимость и действенность, несмотря на то что являются неформализованными. Эффективность влияния коллективных представлений на инди-

видуальное сознание и поведение достигается не только под давлением правовых и дисциплинарных институтов, выступающих от имени государства, но и под воздействием общественного мнения, господствующих «нравов», групповой или «общечеловеческой» морали и т.п. При этом степень обязывающей силы и строгости регламентации действий для различных типов норм может существенно варьироваться.

Многообразие разновидностей социальных норм весьма значительно и обнаруживается среди прочего в традициях, обычаях, обрядах, ритуалах и церемониях, табу («сакрализованных запретах»), «законах гостеприимства», таких феноменах, как мода, этикет, «правила обхождения» (прежде всего речевого и телесных движений), «вежливости» и «хорошего тона», «такт», «нормы приличия», манеры и т.д. Многие нормы, подлежащие рутинизации, функционируют в пространстве повседневности на латентном уровне, т.е. не осознаются в качестве таковых участниками социальных взаимодействий, выступая в форме привычек и поведенческих стереотипов.

Конкретные «правила» и «предписания» социальных норм дифференцированы и вариативны. Они диктуются особенностями социальной ситуации, микро- и макросоциального окружения, социально обусловленным контекстом и «рамками» взаимодействия. Нередко встречаются случаи содержательного рассогласования или даже противоречия между нормативными требованиями, исходящими от разных социальных субъектов, групп, общностей, институтов, в т.ч. противоречия между формальными и неформальными, «писаными» и «неписаными», «правовыми» и «нравственными», религиозными и светскими нормами, обязательствами публичной, профессиональной и частной жизни.

В самом широком смысле нормированность как конститутивная характеристика социальной жизни предполагает действие правил, которые не обязательно предстают в облики императивов, модальностей, в явном «формате долженствования», — будь то гетерономного (перед «внешними» инстанциями типа «других людей», «трансцендентного бога» и т.п.), или автономного («чувство долга», «голос совести» и т.п.).

Люди часто ведут себя так-то и так-то, не потому что они *должны* так поступать, а просто потому, что они *так* поступают (но это «так» де-факто оказывается соответствующим неким «правилам», которые, ускользая от самого актора, тем не менее, управляют его поведением и сопутствующими ментальными, когнитивными, перцептивными, эмоциональными процессами, и которые исследователь может при желании эксплицировать).

Когда социолог говорит, что «здесь действует правило», он может иметь в виду просто, что те или иные теоретически и/или эмпирически фиксируемые элементы поведения и мышления акторов *как-то и чем-то* регулируются, т.е. не являются случайными, произвольными, «хаотическими» (правилосообразность как атрибут организации внутреннего и внешнего опыта).

Правила не только принуждают и воспринимаются как «принуждающие» индивидами, но и упорядочивают, координируют и регулируют. В этом, в сущно-

сти, — если рассуждать «в телеологических терминах» — и заключается их основное функциональное предназначение. О правилосообразности собственных действий, — в т.ч. отличающихся низким уровнем рефлексивного контроля и субъективной «управляемости», импульсивных и сильно эмоционально окрашенных, — актер может не догадываться, но он фактически реализует таковую в своих поступках. Определенный набор норм и правил, действующих «изнутри», по преимуществу латентных, становится неотъемлемой частью когнитивно-мироориентационного аппарата личности, и не воспринимается ею как нечто, имеющее хотя бы отчасти «внешнее», в т.ч. социальное, происхождение. В данном случае термин «габитус», приспособленный к социологическим нуждам Пьером Бурдьё, представляется весьма показательным и адекватным: нельзя лишить человека габитуса, не лишив его при этом собственного «строя», «стержня», «облика», т.е. того, что делает его самим собой. Следовательно, человек есть «по определению» существо не просто механически нормированное, но и активно и перманентно нормирующее, — прежде всего самого себя, а через себя также компоненты собственного жизненного опыта, образ внешнего мира и т.д.

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ФЕНОМЕНОВ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ

Все это, так сказать, азбучные истины, которые мы имеем «на выходе», т.е. по прошествии, как минимум, полутора столетий напряженного интеллектуального развития социологии как теоретической дисциплины. Но размышления о нормативном характере общественной жизни в истории социологической мысли имели своим источником те или иные представления, часто более или менее спекулятивные, о происхождении социальных норм и их укорененности и выводимости из... «природы» человека; [универсальных?] характеристик его когнитивной и/или психической организации; используемых им биологических моделей адаптации; механизмов социального действия; и т.д. Проще говоря, здесь встает законный вопрос: откуда берутся социальные нормы?

Один из возможных ответов, предельно упрощенно сформулированный, гласит: нормы возникают из опривыченного поведения (нормы как продукт «хабиитуализации» практик).

Привычка, становящаяся со временем нормой мышления и поступков, представляет собой склонность воспроизводить тот или иной образец, выработанный самостоятельно или заимствованный. В духе постулатов обмена Дж. Хоманса можно утверждать: если (взаимо)действие имело успех в прошлом, оно скорее всего будет повторяться, тиражироваться (если потребность, вызывающая то или иное поведение, еще актуальна, и переживается как «наущная») (1).

Разумеется, де-факто далеко не всякая привычка и не всякая норма являются исключительно и однозначно функциональными с точки зрения нужд акторов, совершающих конкретные опривыченные и нормосообразные поступки, и в этом смысле они не обязательно ведут субъекта действия к субъективно истолковываемому или объективному успеху. Однако предположить некую связь между *за-*

рождающейся привычкой как алгоритмом для будущих поступков и наблюдаемым успехом действия (именно на стадии возникновения привычки) было бы резонно.

Редукция генезиса нормы к привычке как механизму фиксации адаптационно приемлемых, «результативных» форм поведения встречается во многих концептуальных системах, описывающих логику взаимоотношений между субъектом практического сознания и миром, в т.ч. миром социальным. Такой подход особенно характерен для традиции англо-американской мысли, точнее, — линии, идущей от британского эмпиризма и сенсуализма, практической философии Просвещения через утилитаризм и англосаксонские (неконтинентальные) интерпретации дарвинизма к бихевиоризму, прагматизму, инструментализму и т.д.

Одним из начальных звеньев этой цепи идейных влияний выступает гносеология Д. Юма, в частности его знаменитая теория причинности. Наша наивная убежденность в том, что солнце завтра взойдет, а знакомая комната, покинутая на время, встретит нас той же обстановкой, и вообще останется *той же самой* комнатой, с точки зрения Юма, теоретически безосновательна. Практическое сознание, плавающее в океане опыта, держится за устойчивые пучки впечатлений, ассоциированные во времени и пространстве, принимая их за действительные законы природы (имеющие вид каузальных законов последовательности и смежности явлений). И только привычка, связанная с особого рода верой [belief] в порядок происходящих событий, позволяет нам держаться на воде, не тонуть и даже грести в определенном направлении, — т.е. жить, не теряя надежды, что «завтра» в своих существенных чертах будет похоже на «сегодня» и «вчера».

С теоретической точки зрения житейская индукция, включающая суждения и умозаключения, базирующиеся на прошлом опыте, весьма ненадежна. Однако с практической точки зрения сомнения в поставляемых ею данных неконструктивны. Поэтому поскольку и покуда привычка прочна, она позволяет хоть как-то ориентироваться в мире окружающих нас фактов.

Но привычка есть не просто свойство индивидуального сознания, помогающее выстроить здание, пригодное для жилья, над бездной непредсказуемости и хаоса. Она функционирует в обществе. Показательна в данном отношении трактовка проблемы, предложенная Уильямом Самнером, — одним из «пионеров» американской социологии. Происхождение нормативных порядков общества реконструируется в его концепции «народных обычаев» [11].

«Главной задачей в жизни было жить», — констатирует Самнер. — «Человек начинается с действий, а не с мыслей» [6. С. 10]. Звучит, правда, очень по-фаустовски и по-американски одновременно, но нельзя не согласиться, коль скоро речь идет о «детстве» человеческого рода. Просто жить значит — удовлетворять насущные потребности, более или менее наудачу, без особого участия строго рационального, абстрактного мышления, на уровне практических нужд и соответствующих им поступков, «методом проб и ошибок».

Насущные цели людей понимаются Самнером прежде всего как естественные задачи приспособления к условиям, которые ставит практическая жизнь, а не как

цели в рационалистическом смысле, точно осознаваемые. «Потребность была движущей силой. Удовольствие, с одной стороны, и боль — с другой, были теми грубыми рамками, которые определяли русло, в котором эти попытки должны развиваться... Таким образом, были выбраны наиболее целесообразные способы действия. Они соответствовали цели лучше, чем другие способы, или требовали меньших усилий и боли. В русле, в котором должны были осуществляться попытки, развивались привычка, шаблон и умение. Борьба за поддержание существования продолжалась не индивидуально, а группами. Каждый пользовался опытом другого; следовательно, была согласованность по отношению к тому, что показало себя наиболее целесообразным. В конце концов все следовало одному способу для достижения одной и той же цели; следовательно, способы превратились в обычаи и стали массовыми явлениями... Так появились народные обычаи. Молодежь воспринимала их по традиции, путем подражания и подчинения... С течением времени народные обычаи становятся более и более деспотичными, принудительными и императивными. Если первобытных людей спросить, почему в определенной ситуации они поступают именно так, а не иначе, ответом будет то, что и они сами, и их предки всегда поступали так» [6. С. 11—12].

Итак, по Самнеру, социальные нормы в историко-генетической перспективе представляют собой результат закрепления определенных способов человеческого поведения. В привычке такое закрепление совершается на индивидуальном уровне, а в обычае — на групповом. Когда коллективно разделяемые обычаи передаются из поколения в поколение, они образуют основы для традиции. Когда обычаи получают ту или иную культурную легитимацию, ценностно-идеологическое обоснование и оправдание, они превращаются в нравы. Законы суть разновидность обычаев, на страже которых стоит политически организованное сообщество (государство), вырабатывающее системы формальных санкций для нарушителей (2). Если обычай производит специальный аппарат для поддержания самого себя, он становится институтом.

Но в большинстве случаев индивиды сталкиваются с уже существующими наборами правил и образцов, поскольку не являются «первыми людьми» на белом свете. Им приходится включаться в работу наличествующих нормативных порядков, имеющих социально-историческое происхождение. Эти порядки возникли «не вчера» и подкреплены силой коллектива, оставляющего порой минимальные шансы для проявления индивидуальной новации и инициативы, — вернее, таких форм индивидуальной активности, которые не предусмотрены структурой сложившихся социальных отношений.

По пути, намеченному Самнером, следует Джон Дьюи: «Обычаи, или широко распространенные единообразия привычек, — пишет он, — существуют в значительной степени потому, что индивиды сталкиваются с одной и той же ситуацией и схожим образом на нее реагируют. Но в еще большей степени обычаи сохраняются потому, что индивиды формируют личные привычки в условиях, установленных предшествующими обычаями... Деятельности группы уже имеются в наличии, и некоторая ассимиляция актов индивида к их паттерну служит пред-

посылкой его участия в них... Каждый человек рождается младенцем, и каждый младенец с первого вдоха и первого крика попадает в зависимость от вниманий и требований других. Эти другие — не просто люди вообще, наделенные разумом вообще. Это существа со своими привычками, в целом дорожащие своими привычками, и если не почему-то еще, то хотя бы поэтому их воображение ограничено. Привычке присуще быть утвердительной, напористой, самосохраняющейся... Мало кому из людей хватает энергии и богатства, чтобы строить для своих путешествий частные дороги. Им удобно, «естественно» пользоваться уже проложенными дорогами; а если их частные дороги не соединяются в какой-то точке с шоссе, то они при всем желании не смогут их построить» [3. С. 84—85].

Продолжая подобные «дорожно-транспортные» аналогии, можно констатировать травмирующую неконформистское сознание неизбежность «зависимости от колеи» («path dependence»), провозглашенной неoinституционалистами, а ранее, по существу, Дюркгеймом в концепции социального факта, и, наконец, пронизательно и тонко выраженной в поэтической форме Владимиром Высоцким («Чужая колея»).

В связи с оценкой перспектив человеческой «свободы», сталкивающейся с «принуждающими» и «ограничивающими» рамками социального факта, можно рассуждать, например, о «разветвленности дорожной сети», «глубине» и «вязкости» колеи, ее потенциальной изменчивости под воздействием чьих-то целенаправленных или непреднамеренных усилий, ее субъективно-психологической и материальной «комфортности» для участников движения [«условия, в общем, в колее нормальные...» (3)], возможности выбора индивидом «собственного» пути из множества предлагаемых исходя из его желаний, способностей, устремлений и т.п. Однако, как мы видим, даже весьма либерально настроенный Дьюи вынужден признать: движение по целине затруднительно, если не невозможно. А Александр Сергеевич, «наше поэтическое все», риторически вопрошает: «К чему бесплодно спорить с веком? Обычай — деспот меж людей».

Как бы то ни было, очевидно, что люди нуждаются в нормах, правилах и институтах, не могут обойтись без них, т.к. именно нормы и институты организуют жизнь, делая ее осмысленной, направляя в предсказуемое (для самих людей) русло.

Представитель совсем другой идейной линии Арнольд Гелен [9] (кстати, вполне в дюркгеймовском стиле) — как последовательный апологет социального в человеке и противник анархического бунта индивида против общества и культуры — настаивает на том, «что для стабильности человеческой психики, для самосохранения человека вообще ему необходимы социальные институты» (поскольку они компенсируют его биофизиологическую «недостаточность») [5. С. 426].

«Пластичность влечений, изменчивость действий, множественность аспектов вещей угрожают ему [человеку] хаосом. Чтобы частные аспекты мира соединялись в устойчивую систему восприятий и понятий, чтобы агрессивные импульсы не вели к истреблению себе подобных, человеку требуются регуляторы и нормы... Вся культура строится на системе стереотипных и стабильных привычек... Привычки обладают огромной силой сопротивления потоку времени. Привычное действие

совершается не задумываясь, автоматически — привычки тем самым замещают у человека инстинкты. Привычка освобождает от импровизированного образования мотивов и ведет к разгрузке психики от избыточного возбуждения. Это способствует стабильности предметов внешнего мира, но одновременно и собственные мотивы обретают стабильность... Институты возникают уже на основе привычек как сложные их соединения. В любой культуре мы сталкиваемся с ритуалами, которые составляют ансамбль привычных действий... Вся кооперация людей в обществе зависит от прочности передаваемых формализованных привычек. Культура способна существовать века и тысячелетия благодаря тому, что содержание вливается в прочные формы... Они [люди] следуют привычным правилам, и если они перестанут это делать, то общество развалится...» [5. С. 428—429].

Как видно, понятия нормы и института в классической социологической традиции сливаются в одно целое: и то, и другое явно указывает на формы и способы регуляции (регламентации) человеческих действий [4; 8]. Институты выступают как более или менее сложные, более или менее согласованные наборы, композиции норм и правил. А нормы и правила представляют собой структурную «начинку» или «оснастку» институтов, состоящую из явных и латентных императивов и образцов мышления и поведения, вменяемых актерам их социальной средой, и в большей или меньшей степени разделяемых ими и реализуемых в действии. Разговор о привычках и обычаях прямо приводит к понятию института, что хорошо прочитывается в дефиниции, сформулированной У. Гамильтоном (одним из представителей «старого институционализма») еще в первой трети XX в.: «Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [10. Р. 84].

ГДЕ ОБИТАЮТ НОРМЫ?

В определениях норм или институтов бросается в глаза специфическая *двойственность*, провоцирующая социолога на непростые рассуждения. Размышляющие о феноменах социального нормирования теоретики обычно говорят об образах или способах мысли и образах или способах действия. Что, собственно, подлежит нормированию? — То, *что (и как)* люди думают, понимают, чувствуют, переживают, во что верят и т.п., т.е. *представления*? Или *что (и как)* они делают, т.е. *поведение*? По-видимому, — и то, и другое. Можно, наверное, нормировать поведение, совершенно не нормируя мышление, — чисто внешним образом, при помощи одной лишь грубой силы. Но построенный *только* на таком основании нормативный порядок не был бы достаточно надежен. В абсолютном большинстве случаев социальное поведение нормировано именно потому, что нормированы представления, — *и не только потому*, что их кто-то (какой-то конкретный

или абстрактный, индивидуальный или коллективно-институциональный субъект) пронормировал «извне», *но и потому*, что их «нормированность» является следствием внутренней организации когнитивных аппаратов мироориентации, присущих человеку как живому существу особого рода. Тем более, при определенных ракурсах рассмотрения граница мышления и поведения, — т.е. того, что думают и того, что делают, — и вовсе расплывается. Например, чем являются речевые акты, речевое поведение — формой действия или «манифестацией» сознания (и по сути единственной, по которой мы можем судить о «чужом» сознании)? Очевидно и тем, и другим одновременно.

Формально-структурная, «априорная» (если здесь уместен кантианский жаргон) предрасположенность сознания к нормированности *экстернализуется* в жизненном опыте, имеющем социальную природу, выступая необходимым условием фактической, т.е. «апостериорной», содержательной нормированности сознания, вбирающего в себя, *интернализующего* конкретные социальные влияния, исходящие от институтов, культуры, микро- и макрообщественного окружения и т.п. Таким образом, процессы нормирования имеют *двустороннюю* направленность: *от* устройства сознания, реализующегося и объективируемого в действиях и взаимодействиях разного рода, *к* социальным институтам как кристаллизованным формам множественных и повторяющихся интеракций, и *обратно* — *от* социально-институциональных структур *к* коллективным представлениям, преломляющимся и отражающимся в индивидуальном сознании акторов. Означенный «дуальный» характер процессов конституирования социальной жизни, — какой бы из членов бинарной оппозиции «субъект — структура» мы ни принимали за точку отсчета, — является общим фокусом, своего рода «краеугольным камнем» в поле теоретико-социологических дискуссий последних пятидесяти лет. С этим согласились бы и П. Бергер с Т. Лукманом, и П. Бурдьё и Э. Гидденс, и многие другие.

Где обитают нормы? В «нормосообразных» структурах сознания (повседневного/практического, дискурсивного, рационального, теоретического...) и «нормосообразных» действиях социальных агентов, в культуре, языке, институтах. Нормы живут в головах и находят выражение в поступках-практиках; кристаллизуются в институциональных формах, стремящихся к воспроизводству во времени и передающихся и закрепляющихся в исторической традиции; задаются ситуационными и ролевыми контекстами взаимодействия; консервативны, но способны видоизменяться.

Все уровни и зоны бытования норм (разных типов) корреспондируются друг с другом, сохраняя при этом некоторую автономию и специфичность. Но схемы их взаимосвязей можно обрисовать лишь аналитически, поскольку линии детерминации здесь многосторонние и носят «циклический», «рекурсивный» характер: сознание акторов, их акты и интеракции запускают механизмы социального нормирования, порождая институты, и сами, в свою очередь, подпадают под регулирующее воздействие и влияние последних. Выделить «первый член», исходный пункт в такой цепочке взаимных детерминаций можно лишь искусственно, для удобства описания теоретически реконструируемого процесса.

Палитра различных ответов на вопрос о происхождении нормативных порядков общества не может быть полной без обращения к междисциплинарным перспективам и проекциям темы. Здесь свою лепту могут внести и философия, и психология, и биология, и лингвистика, и семиотика, и логика, и теория коммуникации, и их комбинации, коих немало произвел минувший XX век.

Например, можно утверждать, что человек предрасположен к «правилосообразному» поведению, хотя бы потому, что говорит на языке. А язык, без сомнения, представляет нормативно организованную семантически-семиотическую структуру, совершенно независимо от того, знают ли его носители грамматические правила или просто умеют ими пользоваться.

Говорящий на языке, выражающий свои мысли и чувства в словах, уже в силу одного этого следует определенному набору правил. Причем правила языка суть правила социального происхождения, циркулирующие в сообществе и разделяемые его членами. Чисто приватный язык (4), — если бы он был возможен, — был бы лишен большей части функций языка как символически-коммуникативной системы, направленной на передачу смыслового сообщения «другому» (пускай и с допустимыми погрешностями). Если ты хочешь, чтобы тебя поняли, ты должен называть «*вещи своими именами*», какое бы богатство средств выражения ни предлагал нам конкретный язык; т.е. называть вещи так, как *принято* в данном глобальном или локальном языковом сообществе, скажем, вот это лающее четвероногое существо — собакой, hound, dog, Hund, canis, le chien, il cane, el perro, pies, pes, псом, псиной, жучкой, шавкой, полканом, бобиком, шариком, барбосом, моськой, тузиком, терьером, сеттером, овчаркой, болонкой, или Каштанкой, Мухтаром, Джульбарсом, Белкой, Стрелкой... etc..., а не кисой, мурзиком, мурлыкиным, или «JGnBvk196бзк», «000548765700». Даже если последний ряд вариантов и возможен, то только тогда, когда вы *с кем-то* условились, специально договорились или просто привыкли, *вместе* — ты, как и он/она — в силу тех или иных обстоятельств, т.е. опять же *социально* и «по особому правилу», называть указанное существо именно так, например, котенка — именем «Гав».

Способность обозначения, «языковой маркировки» объектов связана с другой, не менее важной человеческой особенностью, а именно с психологической способностью к категоризации (хотя и не тождественна ей) [1]. В процессе психического развития индивид вырабатывает тонкие навыки ориентации в мире предметов и событий при помощи типологизирующих функций мышления, т.е. научается распределять объекты по группам, сортировать их, выделять общее и специфическое, сравнивать, объединять и различать. Даже если сама эта способность и подчиняется чисто психологическим механизмам (организации восприятия, памяти, концентрации внимания, распознавания образов, своего рода «гештальтирования» реальности... и т.п.), она фактически приобретает и осваивается индивидом поэтапно, в онтогенезе, и всегда в конкретном социокультурном окружении, которое диктует индивиду приоритетные схемы группирующей типологизации объектов. Таким образом общественная среда создает для индивида особые «отсеки» и «ячейки», в которых осуществляются процедуры социально легитимированной

«каталогизации» мира. В сущности, описываемые свойства сознания являются средством практического когнитивного мониторинга и «картографирования» доступных индивиду зон универсума (и прагматически актуальных для него). Данные процедуры по сути своей сходны с регуляцией, регламентацией и нормированием. Благодаря этому «картина мира» индивида становится (относительно) организованной и упорядоченной, а «нормативно организованное» восприятие выступает условием (вернее — одним из условий) «нормативно организованного» действия.

Нормы социальной типологизации помогают актерам когнитивно и поведенчески адаптироваться к бесконечно многообразным ситуациям столкновения с действительностью. Эти нормы должны иметь какую-то прагматическую ценность: как в сказке про мужика и медведя, конкурировавших за урожай ржи и репы. Сметливый крестьянин в отличие от незадачливого косолапого имел более прагматически адекватную и детализированную классификацию культурных растений и знал, что у корнеплодов типа репы «корешки» вкуснее и полезнее «вершков», а у злаков — наоборот. Медведь этого не знал и погорел на своей примитивной бинарной классификации, индуктивно выведенной из одного единственного эмпирического случая (сладкие корешки были только у репки, а не у всего, что выросло на поле).

Но дело, конечно, не только в прагматике, но и в культурно санкционированном многообразии правил. Когда мы говорим: «котлеты отдельно, мухи отдельно», мы подразумеваем, что перед нами эмпирически *различные* объекты, и поступать с ними нужно *по-разному* — мух отгоняем и убиваем, котлеты едим (если на них не посидели мухи, или едим все равно, или дополнительно их как-то «стерилизуем» [это, так сказать, допустимые в нашей культуре вариации поведенческой реакции]).

Но можно себе представить другую культуру: какое-нибудь племя «энтомофагов», где мух регулярно употребляют в пищу, сырыми или специально приготовленными, а котлеты из мяса млекопитающих, напротив, не едят по каким-то религиозным причинам, даже если и знают о существовании такого кушанья (как блюдо ритуально нечистое, или исходя из убеждения, что животные, из мяса которых делаются котлеты, являются священными, «предками рода», «сакральными сотрапезниками клана», или из-за других табу, наложенных, например, на способ приготовления — нельзя измельчать мясо, нельзя смешивать его с тестом, нельзя жарить на масле, нельзя лепить изделия овальной или круглой формы... и т.п.).

Как видно, подобные «правила» содержательно задаются культурой и обществом, хотя и формально коренятся в способности человека к преобразованию первичного хаоса опыта в космос, населенный типами, видами, экземплярами множеств, по отношению к которым оказываются применимыми и оправданными разные стратегии и рецепты поведения.

Вообще, проблема «следования правилу» является сложнейшей [2], как и, впрочем, задачи теоретического описания разновидностей правил и норм, их мно-

гообразия, интерпретации понятий отклонения от нормы и ее нарушения, вопросы о возможности или невозможности существования принципиально «ненормативного» поведения (5), о степени осознанности, осмысленности и рациональной эксплицируемости норм как необходимом или ненеобходимом условии их практического применения акторами и т.п.

К примеру, скорее всего, оправданным кажется различие правил, определяющих значимый для индивида ценностно-целевой выбор (правил типа *что* следует делать или не делать, к чему стремиться и от чего воздерживаться), и правил процедурных или инструментальных, т.е. правил-средств (типа *как* делать). Вопрос — стоит ли мужчине жениться или не стоит — будет решаться в том числе под давлением, явным или неявным, и с учетом определенных нормативных паттернов, ощущаемых самим субъектом на уровне адресуемых ему ролевых ожиданий. Если этот мужчина монах или соблюдающий нормы целибата католический священник, он связывает себя обетом безбрачия. Если человек планирует в перспективе стать православным «батюшкой», то найти себе заблаговременно спутницу, которая впоследствии станет «матушкой», — очень важная задача, т.к. статус неженатого приходского священника (немонаха) в православной церковной среде является «девиантным». Можно отказаться от одного выбора в пользу другого, но каждая из выбранных «опций» влечет за собой в качестве последствия открытие/активизацию определенного нормативного «меню», предусматривающего неизбежную ограниченность возможностей действия. Другое дело — процедурные нормы. Если Вы все же решили жениться, то Ваша культура сообщает Вам (возможно, не в деталях, и не столь категорично, как в ряде случаев) *как это делается* (как надо ухаживать, свататься, делать предложение, гулять свадьбу, и т.д.).

Очевидно, «нормативные порядки» многих социальных ситуаций, — не только на уровне повседневности в узком смысле и межличностного общения, но и на уровне «больших» и формальных институтов, — предполагают существование значительных диапазонов допустимых, социально приемлемых вариаций действия, которые позволяют реализовываться сугубо индивидуальным личностно-поведенческим наклонностям и предрасположенностям — без прямого риска вызвать негативное санкционирование со стороны «других» и без вынесения однозначно отрицательного «вердикта», т.е. квалификации поступка как «вопиющего нарушения нормы», влекущего за собой неизбежность наказания. Допустим, Вы можете явиться на собственную свадьбу в бежевом, синем или даже «серобуромалиновом» костюме, однотонной или полосатой рубашке, с запонками и бабочкой или без... но, пожалуй, все же не в чалме (если Вы, конечно, не сикх, не индус, не факир и не артист цирка). Вы можете дарить своей избраннице васильки или ромашки, тюльпаны или розы, но, вероятно, не белену и не борщевик (опять же, — если Ваша невеста не потомственная знахарка-травница). Разумеется, большинство подобных компонентов «мягкой» нормативной навигации действия являются в содержательном плане локализованными во внутренних пределах конкретных культурных традиций и привязаны к ним.

* * *

Современный российский исполнитель поп-музыки Митя Фомин в песне с жизнеутверждающим названием «Все будет хорошо!» ставит ребром вечный философский вопрос: «Я долго думал — кто же мы — просто пешки на доске или игроки?» (и тут же, по законам «клипового» жанра, уходит от поисков ответа, перескакивая на «не менее актуальные» темы любви и оптимизма). Парадоксальным образом, но та же проблема, хоть и иначе сформулированная, беспокоит социальную теорию, причем уже много веков. Философы и ученые-обществоведы как люди «вполне серьезные» куда более мотивированы на выработку решения, но однозначного решения, увы, не найдено. Поэтому теоретики продолжают сражаться с «дилеммами», «контроверзами» и «понятийными оппозициями».

Люди на социальном поле являются игроками (agency), а не просто марионетками. До известной степени так. Они также являются «пешками на доске» (или фигурами помощнее), но в любом случае, — участниками игры, правила которой не созданы никем из них лично и не могут быть легко, по одному лишь желанию обжалованы или пересмотрены. Вместе с тем эти правила воспроизводятся в каждом индивидуальном действии и социальном взаимодействии, ими наполнено каждое сознание, не исключая и сознание, отчаянно стремящееся к свободе. Отчасти нормативные структуры видоизменяются, обнаруживая то большую, то меньшую гибкость; иногда они рушатся в один миг, даже когда почти никто не ждал. Однако, свято место пусто не бывает — сразу же зарождаются и выкристаллизовываются какие-то «новые» социальные формы... Но без правил игры не было бы вовсе. Поэтому нормативный порядок общества выглядит как сказочная тюрьма, в запутанных лабиринтах которой «заключенные» ухитряются танцевать вальс, летать и покорять горные вершины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Постулаты Хоманса, в том числе «успеха» и «стимула», описывают ситуации социального взаимодействия двух (и более) индивидов, но ничто не мешает трактовать их расширительно, в общейнструменталистском смысле, имея в виду то, что по отношению к природным объектам люди ведут себя сходным образом: если какой-то паттерн поведения в ситуациях определенного типа «работает» и «дает неплохие результаты», субъект будет склонен (при прочих равных условиях) применять его в будущем.
- (2) Ср. с характеристикой обычая в юриспруденции как одного из источников права («обычное право»).
- (3) И далее разворачивается образцовый мотив самооправдания конформиста:
«...Никто не стукнет, не притрет —
Не жалуйся.
Желаеть двигаться вперед?
Пожалуйста.
Отказа нет в еде-питье
В уютной этой колее,
И я живо себя убедил —
Не один я в нее угодил.

Так держать! Колесо в колесе!

И доеду туда, куда все».

- (4) Сомнение в возможности существования полностью приватного языка — известный теоретический «конек» Людвига Витгенштейна.
- (5) Есть основания полагать, что социальным правилам, явным или неявным, сформулированным или нет, подчиняется любой индивид (включая обитателя необитаемого острова, на сознании которого лежит полностью неизгладимый отпечаток его старой культуры, или аскет, удаляющийся от мира в пустынь). В сложных обществах нормы являются чрезвычайно дифференцированными. Бунт против определенных правил совершается во имя других, возможно, новых правил, даже если их конституирование в акте протеста не осознается бунтарем. Так, П. Уинч приводит в пример убежденного анархиста, считающего себя свободным от любых правил, указывая, что и подобная позиция по существу нормирована. Как иронично замечает В.В. Волков, «панк не менее правилосообразен, чем банковский клерк» [2. С. 158]. Т.е. контрправила — суть тоже правила. Но правила бывают *разные*. Наличие многих альтернатив действия в конкретной ситуации и гибких систем социальной регуляции не отменяет существования правил. Еще одна хорошая иллюстрация, приводимая Уинчем: «люди могут иметь индивидуальные литературные стили, но, в рамках каких-то границ, могут писать только грамматически верно или неверно. Но из этого просто ошибочно делать вывод, что литературный стиль не подчинен никаким правилам: он представляет собой нечто, чему можно обучиться, что можно обсуждать...» [7. С. 40].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977.
- [2] *Волков В.В.* «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
- [3] *Дьюи Дж.* Обычай и привычка // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века. М.: ИНИОН РАН, 2010.
- [4] *Ковалев А.Д.* Проблема онтологического статуса и рабочей модели социальных институтов // Новое и старое в теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова. Кн. 4. М.: ИС РАН, 2006.
- [5] *Руткевич А.М.* Теория институтов А. Гелена // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008.
- [6] *Самнер У.* Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1998. № 12.
- [7] *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- [8] *Шмерлина И.А.* Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4.
- [9] *Gehlen A.* Urmensch und Spätkultur. Philosophische Ergebnisse und Aussagen. Wiesbaden: Aula, 1986.
- [10] *Hamilton W.* Institution // Encyclopaedia of the social sciences. N.Y., 1932. Vol. VIII.
- [11] *Sumner W.G.* Folkways: A Study of Mores, Manners, Customs and Morals. N.Y.: Cosimo, 2007.

NORMATIVE SOCIAL MORPHOGENESIS AND THE OPPOSITION “AGENCY—STRUCTURE”: FROM INDIVIDUAL TO INSTITUTIONS AND BACK

D.G. Podvoyskiy

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

Sociological theory at any stage of development requires permanent reflection and comprehension of its own conceptual bases including its terminological axiomatic, which incorporates both the antinomy “subject (action, agency) and structure” and concepts of order, norms and rules, standards, cultural patterns and values, institutions, social control, power and coercion, conformism, deviation, etc. Conceptual descriptions of the opposition “agency—structure”, the problems of social order and mechanisms of normative and institutional “morphogenesis” traditionally act as one of the main “paradigmatic” axes for the development of sociological theory, and their critical analysis and comparison clarify the general methodological basis of social knowledge as a whole and highlight the fundamental demarcation lines between different schools and branches of sociological thought. The author attempts to provide a preliminary reconstruction and revision of the general argumentation used in social theory to explain how normative orders emerge from the internal logic of social interaction that takes place at different levels including everyday life. The article aims to assist in producing a clear and prominent vision of the issues of the dualism of agency-structure in social relations and of their normative, “rule-oriented” nature.

Key words: social norms; social control; “normative” social order; “normative morphogenesis”; habits; customs; social institutions; following the rule; opposition “agency-structure”

REFERENCES

- [1] *Bruner J.S.* Psihologija poznanija. Za predelami neposredstvennoj informacii [Beyond the Information Given. Studies in the Psychology of Knowing]. M.: Progress, 1977.
- [2] *Volkov V.V.* «Sledovanie pravilu» kak sociologicheskaja problema [«Following the rule» as a sociological problem]. Sociologicheskij zhurnal. 1998. No 3/4.
- [3] *Dewey J.* Obychaj i privychka [Custom and habit]. Interakcionizm v amerikanskoj sociologii i social'noj psihologii pervoj poloviny 20 veka. M.: INION RAN, 2010.
- [4] *Kovalev A.D.* Problema ontologicheskogo statusa i rabochej modeli social'nyh institutov [The problem of the ontological status and the applied model of social institutions]. Novoe i staroe v teoreticheskoy sociologii. Pod red. Ju.N. Davydova. Kn. 4. M.: IS RAN, 2006.
- [5] *Rutkevich A.M.* Teorija institutov A. Gehlena [A. Gehlen's theory of institutions]. Sociologicheskaja teorija: Istorija, sovremennost', perspektivy. Al'manah zhurnala «Sociologicheskoe obozrenie». SPb.: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2008.
- [6] *Sumner W.G.* Narodnye obychai: Issledovanie sociologicheskogo znachenija obychaev, maner, privyчек, нравов i jetiki [Folkways: A study of mores, manners, customs and morals]. Rubezh: Al'manah social'nyh issledovanij. 1998. No 12.
- [7] *Winch P.* Ideja social'noj nauki i ee otnoshenie k filosofii [The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy]. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996.
- [8] *Shmerlina I.A.* Ponjatie “social'nyj institut»: analiz issledovatel'skih podhodov [The concept of “social institution”: An analysis of research approaches]. Sociologicheskij zhurnal. 2008. No 4.